

БЕСКОНВОЙНЫЙ

Неюбилейные заметки в связи с юбилеем Василия Шукшина

НА ЧУЙСКОМ ТРАКТЕ до сей поры крепка память на правду и кривду, здесь свой кодекс чести, свое право на отпущение обидчиков. Здесь шлоферы сами ведут отсчет добру и злу. Блюдут историю и душу, ставя у дороги друг другу посмертно памятник, — здесь, в этих местах, он и родился. Если от тракта взять вправо, то легко найти на взгорке крепкий дом, который абсолютно не похож на бездомного и нескладного своего хозяина.

Сростки. Точка на темной натруженной жиле великой дороги. Место рождения человека, слившегося в живое время обжечь и очистить людей правдой.

Ухоженное строение с асфальтированным двором, с основательными постройками, голой лампочкой в аккуратно выбеленной спальне — суть трогательная, но скорее всего малоуспешная попытка «срезать», доказать землякам свою житейскую ценность, деревенскую состоятельность. Он вряд ли жил этим домом, приобретенным на первый крупный гонорар для матери. Он этим домом неизвестно что вновь и вновь доказывал.

Впрочем, известно, что нет пророка в своем отечестве. Поскольку об отечественных пророках при их жизни принято думать, будто они способны лишь сочинять убогое, например, «чявой-то о государстве». Горькая, привычная в России ухмылка судьбы: как правило, отлично сохраняются купленные на гонорары, но чужие в принципе жилища. А вместо отеческого крова неподалеку — квадрат грубого бурьяна с указанием, что здесь «такой-то и родился». Где-то в других странах случаются дома без хозяев. Тут у нас случай хозяев без домов.

ПРОЧИТЫВАЯ сегодня Шукшина, обнаруживаешь вовсе не «полное соответствие нашему времени». А я бы сказал, перелет времени. И следовательно, очередной диссонанс с ним.

Как с Платоновым. Там, моему, такое же мнимое замещение. Не прошло и полвека, а уже прочитано все написанное им! Прочитано — но, судя по всему, вычитано далеко не все. В Платонове содержится гораздо больше, чем, верно, требуется для перестройки. И вполне может статься, что всего Платонова мы поймем еще через полвека — наконец.

Похоже, и с Шукшиным ощущение такое, будто и сейчас слышишь доносящийся из подполья его времени этот пугающе одинокий надрыв. Поразительно, как ему тогда удалось прорваться. Еще поразительней, как у него получилось прорваться так далеко.

Возьмем почти наугад кого-нибудь из его героев, любого из чудиков. Сначала у критиков было удивление и умоление: ведь живет же где-то такой парень, печки-лавочки! С чудинкой. Вроде нестандартной родинки над твердой складкой рта соцреализма. Но вот мучительный воплеск Егора Прокудина. Красноречивая, но жуткая самоликвидация Сураза. А там еще разной величины и накала язычки сгорающих судеб...

И, наконец, Степан Разин, «попёрший» против самого государства. И обреченный своими же соратниками вместо короны в кандалы. Разин, с его страшным, непонятным тогда ответом — им, соратникам, так близко стоявшим к нему и так далеко от него отставшим. Я пришел дать вам волю! Берите! Вот она! Нет, не берут, не готовы взять. А вместо воли хлещется в отечестве, как в лохани, кровь братоубийственной войны...

Вообще Шукшин задавал немало вопросов, которые, как нам хочется думать, осмелилось поставить наше время. Вот прекрасный рассказ «Осенью». Там ведь про коллективизацию и борьбу со свободой совести все вполне и давно сказано, без вопиющих подробностей, правда, но с вопиющей правдой раздавленной души. Не кем-нибудь со стороны, а собственными руками, искренне, с истовой верой. И все его чудики, кто они? Да те редкие талантливые люди, которых переждало административным колесом. То элитное зерно, которое система аккуратно отсеяла ради чистоты уравнительного счастья в «обсесках». Это не они выбывают из ряда, это их вышибают. Раньше физически выкашивали. Потом осматривались государственные люди, и вышло: достаточно в иных случаях «психики» напустить. И вот пошли по российским дорогам отмеченные терновым ярлыком «дурнины». У Шукшина это разного рода чудики, судимые, «шизы», бесконвойные. Чем не актуальная дилемма из рассказа «Наказ»? Молодой, остросовременный председатель доказывает вроде бы безусловную вещь: надо подходить к людям с экономическими методами, а его устаревший дядька, тот вроде бы

рагует за твердость руки и крепость кнута. Вот как современно звучит критика современного председателя: «Да мало у нас их было, твердых-то? От кого мы стонали, не от твердых?»

Да, так было. А вот будет как?

Но не только в том конфликт, и дядька, именно он, как ни странно, этот глубинный конфликт формулирует: «Вот у нас пастух, Климка Стебунов, пропас наших коров два месяца, собрал деньги и послал нас всех... «Не хочу!». И все. А ведь ему экономически вон как выгодно!.. Вот тебе и экономика, милый Гриша. Окончи ты еще три института, а как быть с Климкой, все равно не будешь знать. Тем более что он — трудовой инвалид... На вилы со стога прыгнул».

А ведь вопрос, как быть с «трудовыми инвалидами», то есть миллионными, хотя бы искренне «работать по социалистической возможности, а жить по капиталистической потребности», — этот вопрос так остро, как сейчас, при Шукшине не стоял. А ведь это одна из хлябей, в которых тонут теперешние реформы. И Шукшин когда еще все это разглядел.

Разве есть сегодня ответ на вопрос, который не сводится, увы, к конфликту «старого» и «нового», и кто есть кто, если, скажем, у них, у «отживших», работающий, предприимчивый человек на вершине нравственной пирамиды, а у нас, у «новейших», такой человек — объект общественного презрения и злобы?

Воистину, на нашем примере история продемонстрировала способность к странному скачкам. Если захочешь быть хозяином, окажешься выброшенным из дома. Что же делать с этим домом? И как быть такому хозяину?

НО ЕСТЬ и другие смыслы у надрывного: «Не хочу!». Своеволие, отчаянная алогичность нашего человека — это еще у Достоевского. И вряд ли унаследовано от него, но, утроенное в нынешней жизни, угадано Шукшиным самостоятельно.

Мне представляется, что Шукшина более всего и мучили сумасшедшие перепады в соотечественнике: от крайнего самоуничтожения до смертной тоски по собственному достоинству, и далее соскальзывание к бесовской гордыне. Сильнейший инстинкт свободы: и тут внутренняя независимость, бесконвойность, с одной стороны, с другой — нежелание принимать на себя какие-либо цивилизованные обязательства. И далее, как прыжок с обрыва, — в омут своеволия, произвола, крови...

Шукшинский человек кричит: «Не хочу!» И это здорово, но это не значит, что он уже чего-то осознанно хочет.

Поэтому Шукшин то любит его, то скорбит о нем, то выносит ему беспощадный приговор, то пророчески заглядывает вперед и предупреждает. Он любит: ведь сколько ни искореняй в людях свободу, все равно последний ген разогнет человека, против всяких законов здравого смысла, бросит его на порабощителей. Он скорбит: измелчал человек, в лучшем случае он способен набить морду или запитать горькую... Он приговаривает: не сам народ измелчал, это с ним такое сделали, но о чем думал этот народ, когда его измелчали?

И в конце концов Шукшин предупреждает: «Слепой бунт «измельченного» человека опаснее спокойной силы свободной личности». Насколько он был прав, видимо, и убеждаемся сегодня мы с вами. Насколько дальновзорон он в своих более суровых пророчествах, нам с вами не дай бог убедиться...

Если гениальность измеряется умением опережать время в угадывании истинного смысла событий, то роман «Я пришел дать вам волю», бесспорно, гениален. Помните, все дружно думали, что создаем котлован под фундамент величественного здания, а Платонов первым разгадал, что копаем беспрецедентную по масштабам историческую яму?.. У Шукшина иная боль, но загляд на такую же глубину.

Прельстительна свобода, но страшен порыв к свободе человека, который и внутренне еще не освободился. Человек создает мир по своему подобию. Человек с внутренней тюрьмой создает ничего иного, кроме тюрьмы для других, не способен.

За несколько месяцев до смерти в одном из последних интервью Василий Макарович Шукшин говорил, что искал в современности большого героя, но не нашел его...

Что ж, чудики, «шизы», угодливый его уже не могли устраивать масштабами. Дар его требовал иного уровня. Однако геологические пласты общества еще не сдвинулись, политическая магла только скаплицалась в недрах застоя, герои зрели, но еще не явились свету. И произойдет типично отечественный трагиче-

ский случай: художник умер прежде того времени, о котором был способен написать.

И все-таки он успел. Все-таки написал.

Для того ему, правда, пришлось отвернуться на время от текущего момента и взглянуться в гремучую гримасу истории... И случилось едва ли не воспоминание о будущем.

ВОЛЬНО было нам вместе с авторами школьных и университетских учебников свисока обсуждать «царистские» иллюзии, скажем, разинской эпохи. Оказалось: подобные иллюзии есть раскаленное тавро времени, запечатленное на разуме народа. Это тавро, как выяснилось впоследствии, одним махом не стереть, а железную клетку эпохи скачком не перескочить. И умный лидер, считаясь с этим, вынужден вести дело так, чтобы народ, спотыкаясь и ушибаясь, сам прошел крестный путь и освободился, пусть и с муками, от тавра... Трудна роль лидера-лидеца поневоле, трагичен путь массового познания: делая только первые шаги к свободе, к воле, можно поскользнуться на крови, впасть в своеволие. И так уже было, было не раз.

Долго скапливаемая ярость униженных и оскорбленных взрывалась и разбрызгивалась кровью, без разбора, виноватых и невинных; новая слепая ярость, ярость отщепенца запускала в обратном направлении «мясорубку»; жестокий закон отечественной истории, отщепенца виноватым оборачивается зачастую страданиями и невинных, кровь уравнивает кровь.

В рассказе «Наказ» герой мечтает о будущем лидере, который поведет за собой и «перестроит». В романе этот лидер, большой герой, явился. И повел, пытаясь оторвать людей от государственной клетки, вросшей в живую плоть.

Поскользнулся-таки. Вырвал с мясом. Оторвался. Остался в космической пустоте, непонятый даже ближайшими; вот она, дескать, какая — непременно с кровушкой воля. Лучше уж, мол, железная рука, кнут и государственный зажим. Внутренняя свобода лидера, его душевная бесконвойность теми, кто пошел за ним, вывернута наизнанку. Обесчещена, изгажена. Вот вам воля. Нате, берите!.. Но где она? Ее нет, если ее нет внутри.

Люмпены не есть революционная цивилизованная сила. Это лишь топливо для машин насилия. Это вязкая масса, но не организм — народ. Перекати-поле — это не только нравственное, это и социально-политическое явление. Человек перекати-поле сколь несчастен, столько и опасен. Ситуация усугубляется, если перекати-поле — это народ с обрезанными корнями. Если эта страна без корней.

Истовую мечту о человеке, хоть с какой-нибудь привязкой к жизни, делающей его независимым хозяином, по крайней мере, самого себя, запечатлел Шукшин в программном, кажется, рассказе «Алеша Бесконвойный». Нет у человека ни любимой работы, ни земли, ни какой-либо другой собственности. Даже единственная любовь его в буквальном смысле обобра. И отлилась душа в нелепую форму, прилепился человек к бане. Весь праздник жизни для него свелся к суботному банному дню. И сделался человек бесконвойным — то есть неуправляемым: никакая сила не могла переломить его, заставить выходить на работу в этот день.

И горько, и смешно: в какую же дыру должна была загнать человека жизнь, если он душу свою бессмертную отдал бане! Нет счастья, нет мечты, любви, разрушены идеалы. Вместо всего этого краткие часы праздника жизни, который загнанный в банное подполье человек устраивает себе сам, «праздник на земле — это вообще не праздник, не надо его и понимать, как праздник, не надо его и ждать, а надо спокойно все принимать и «не суетиться перед клиентом». Тут философия, и, похоже, не одного только героя, и кажется не столь уже доморощенная, если она помогала многим и многим не сломаться, не деградировать.

И горько и смешно, но ведь здесь и надежда. Недаром же обретенная воляность вернула человеку способность осознанно любить. Пусть эта любовь приправлена удручающе: здесь, в жизни, не так «уж тут и плохо». Но зато эта бесконвойность дает внутренний покой, неслыханную силу, опору.

Будет таких внутренних бесконвойных, свободных людей миллионы, и, глядишь, сдвинется и вырвется из хляби наша жизнь. И вернется к хозяину отеческий дом, и залечатся раны, и восстановятся корни.

И это тоже, наверное, дальновзорное пророчество. Пророчество-надежда бесконвойного Шукшина.

А. АФАНАСЬЕВ.